

Мама Нади Рушевой

ВОСПОМИНАНИЯ, ФОТОГРАФИИ,
ПИСЬМА, ГРАФИКА НАДИ РУШЕВОЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Имя Нади Рушевой навсегда связано с «Юностью». В нашем журнале гениальный график публиковалась в то время, когда государство заботилось о талантах... Книга Зои Донгак еще раз подтверждает эту истину, а приведенные ниже отрывки говорят сами за себя.

Донгак З. Мама Нади Рушевой: Воспоминания, фотографии, письма, графика Нади Рушевой. — Кызыл: Тываполиграф, 2014. — 164 с. 16 илл.

* * *

Однажды Наталья Дойдаловна с сожалением сказала:

— Как жаль, что я не вижу. Там видишь подшивки старых газет и журналов с пометами. Среди них, может быть, найдешь рецензии. Я нашла рецензию «Воображение Нади Рушевой («Юность», № 6, 1964 год), где Лев Кассиль писал: «Я увидел множество чрезвычайно выразительных и удивительных по точности художнического зрения рисунков. Меня познакомили с их автором — худенькой, чернобровой девочкой, молчаливо и как-то отчужденно, безразлично слушавшей все, о чем восторженно толковали писатели, журналисты, художники. Вскоре я побывал в доме у Нади, и ее родители — Наталья Дойдаловна и Николай Кон-

стантинович — показали мне еще многие десятки ее папок, которые буквально заполнили и комнату, и шкафы. Я застал Надю за рисованием. Рисует она по воображению. А оно, воображение, у нее поразительно емкое и дальнозоркое. Когда Надя была в редакции, она увидела обломок античного барельефа — подарок Манолиса Глезоса редактору журнала Б. Н. Полевому. На обломке изображен старик, фигура и поза которого выражают скорбь... Пока все разглядывали работы Нади, она успела сделать два рисунка, воспроизводящих в двух вариантах и то, что отсутствует на обломке, и с отличным ощущением стиля и настроения домыслила древний сюжет».

Лев Кассиль, описав десять Надиных рисунков, напечатанных в журнале, заключает: «Вас, вероятно, как и меня, захватывает их тематическое

разнообразии, броская сила воображения, изящная компоновка сцен, наглядная убедительность мгновенно схваченных жестов, свободная и в то же время реалистическая грация каждой фигуры. Один из известных московских художников-педагогов П. П. Пашков, придерживавшийся в работе с ребятами принципов школы Павла Чистякова, любил говорить своим питомцам: «Сначала воображение, потом соображение и, наконец, изображение. Рисунки Нади Рушевой позволяют говорить о ее чудесном памятьливом воображении и верить, что в будущем она сумеет обрести два других необходимых для зрелости компонента мастерства».

Была и другая рецензия на эту выставку, которая из-за непрекращающегося потока посетительниц экспонировалась двойной срок. Так, в журнале «Юность» № 8 под заголовком «Выставка, каких не было» приводились восхищенные записи из двух книг отзывов, проникнутых заботой о будущем маленькой художницы.

* * *

Академик В. А. Ватагин писал: «Я имею счастливую и ответственную возможность наблюдать за развитием необыкновенных способностей Нади Рушевой в течение одного года. Я вижу, что как художник она растет не по дням, а по часам. Ее рисунки далеко выходят за пределы детского творчества. Но и среди взрослых художников едва ли многие могут поспорить с легкостью ее техники, ее линий, чувством композиции, с остротой ее образов, с ее творческим восприятием мира. За сохранение, воспитание и развитие ее таланта ответственны не только родители и наставники. Таланты такого рода являются достоянием всего народа — государства. Вся художественная и педагогическая общественность ответственна за них. Необходимо создать для необычных талантов и необычные педагогические установки. Художественные институты, рассчитанные на средний уровень, бесполезны, а может, и вредны для них».

* * *

...Как-то Надя рассказала нам о споре в школе. На перемене между уроками она спросила своего учителя по литературе Николая Петровича Ярмольского:

— Кто из героев прекраснее — князь Андрей или Пьер?

Николай Петрович, вернувшийся с Великой Отечественной войны в чине старшего лейтенанта и в орденах, ответил, что его идеалом всегда был князь Андрей.

Надя возражала:

— Какой же он герой, если отец запретил ему жениться, если он подверг любимую Наташу годичному испытанию и при первой же ошибке вернул все ее письма. Это не по-рыцарски. Он храбр, но это долг каждого солдата. А вот Пьер — он герой! Никто не призывал его на Бородинское сражение, в самое пекло, на батарею Раевского! Никто не упрасивал его спасти ребенка из огня и женщину от грабителя-француза. За это он и под расстрел угодил. И когда Наташе было очень плохо, он один ее поддерживал. Друзья познаются в беде...

* * *

...В 1968 году, когда Наде исполнилось 16 лет, художник-график Жуков познакомил ее со старейшим писателем-пушкинистом Арнольдом Ильичом Гессеном.

Арнольд Ильич в одном документальном фильме так рассказывает о ней: «На 95-м году своей жизни я привык ничему уже не удивляться. Но — Надя Рушева! Откуда у этой девочки такое глубокое и изящное чутье художника? Откуда такое ясновидящее проникновение в дух и настроения Пушкина и его эпохи? Я тогда работал над своей новой книгой "Жизнь поэта", которую задумал иллюстрировать только рисунками самого поэта. Но до 14 лет Пушкин не рисовал! Надя! Восполните этот его невольный пробел? — И я дал ей почитать в рукописи две свои первые главы "Детство" и "Лицейский Парнас". Надя не сразу ответила. Подумала несколько минут. Потом сказала: "Попытаюсь"».

Через месяц мы снова встретились. В ее папке лежало более семидесяти рисунков. Они были совершеннее прежних, перенесли нас в знакомый с детства пушкинский мир».

А. И. Гессен подарил нашей Наде книгу с надписью: «Буду рад, если я, девятилетний писатель, встречу с шестнадцатилетней Надей на страницах моей новой книги о Пушкине».